

А л е к с е й Ф е д я р о в

Н е в и н о в н ы е п о д с л е д с т в и е м

**ИНСТРУКЦИЯ
ПО ЗАЩИТЕ
СВОИХ ПРАВ**

Алексей Федяров

Невиновные под следствием

«Альпина Диджитал»

2020

Федяров А.

Невиновные под следствием / А. Федяров — «Альпина Диджитал», 2020

Как вести себя на допросе, что делать, если вам подбросили что-то запрещенное, как обжаловать несправедливый приговор, какие российские правозащитные организации могут помочь и как обращаться в Европейский суд по правам человека? Алексей Федяров, глава правового департамента фонда «Русь сидящая», объясняет, как действовать тем, кто стал жертвой несправедливости. Автор рассказывает, как и почему российские суды выносят несправедливые и необоснованные приговоры и каким образом силовики фабрикуют и фальсифицируют уголовные дела. Анализ проводится по трем категориям: о наркотиках, экономических и политически мотивированных делах – в том числе самых последних, связанных с событиями в Москве летом 2019-го (дела Голунова, Котова, Устинова и др.). Вместе с известными правозащитниками и адвокатами, такими как А. Левинсон, А. Абгаджав, С. Бадамшин, И. Новиков и др., автор обсуждает нынешнее состояние правовой системы и тенденции ее развития. «Противостоять произволу можно и нужно, – считает Алексей Федяров. – Сохранить себя, изучить предмет и не бояться – вот что важно».

© Федяров А., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

От автора	7
Часть I	10
Глава 1	11
Перевозчик	11
«Народная» статья	14
Обыденное зло	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Федяров

Невиновные под следствием: Инструкция по защите своих прав

Редактор Любовь Рыклина

Руководитель проекта О. Равданис

Корректор М. Ведюшкина

Компьютерная верстка А. Абрамов

Дизайн обложки В. Демьянова

© Алексей Федяров, 2020

© Вера Демьянова, иллюстрации, 2020

© ООО «Альпина Пабlisher», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Мы находимся внутри своего тридцать седьмого года, но пока имеем возможность его изучать и готовиться к худшему. Алексей Федяров по винтикам разбирает механизмы фабрикации в России уголовных дел – политических, экономических и по наркотикам. Одним читателям это укажет, с чем бороться, а другим поможет меньше времени провести за решеткой. Очень своевременная и полезная книга!

Борис Грозовский,
обозреватель

С неправосудием смириться нельзя. Вернее, смириться с ним просто невозможно, потому что по своему эффекту неправосудный приговор равен пытке. Он не забывается, не прощается и никогда не уходит из сознания, оставляя в нем адский коллоидный рубец. Как ложь и предательство. Как мерзость, которой ты не смог противостоять.

Именно поэтому нужно очень хорошо понимать, как и по каким правилам работает российская фабрика, массово штампуящая неправосудные судебные решения. Знать, чтобы успешно бороться за то, чтобы

вирус, засоряющий российское правовое поле борщевиком неправосудия, окончательно не сжег своим ядом души людей, живущих на этой земле.

Как в условиях системы, не допускающей оправдания, все же пытаться доказывать невиновность? Собственно, об этом книга, которую вы держите в руках...

Елена Лукьянова,

общественный и политический деятель, адвокат, профессор ВШЭ

*И в глубине своих злобных сердец орки ненавидели Хозяина, что
вверг их в столь жалкое состояние, хотя и служили ему из страха.*

Дж. Р. Р. Толкин. Сильмариллион

От автора

Когда нынешняя правовая система только создавалась, в 1999 г., один приятель сказал мне: «Теперь все будет в порядке, наши люди в Кремль пришли».

Я был следователем прокуратуры, он – оперативным уполномоченным ФСБ.

На стене у него висел портрет Феликса Дзержинского, а портрета Бориса Ельцина не было, тогда отсутствие в кабинете портрета президента в тех органах не порицалось. Да и ассоциации с репрессиями на тот короткий период стали неприличны. Однажды на обжаловании в суде ареста по делу, что я расследовал, прокурор сослался на признательные показания арестованного. Судья резко одернул его: «Вы мне тут Вышинского еще цитировать начните». Органичным тогда это казалось и верным – признание должно быть подвергнуто сомнению и проверено, как любое доказательство, а судопроизводство 30-х гг. прошлого века и поминать неприлично: террор он и есть террор, пьяный матрос с наганом его вершит или суд.

Но настали времена тех самых «наших людей», которые учинили все, как только и умели. Они всегда верили, что оперативная работа, следствие, суд независимы исключительно в рамках правосознания, а оно может быть революционным, коммунистическим, социалистическим – придумать названий можно много, но главное – установленным свыше. Нынешнее вообще без имени и идеи, но элиты оберегает успешно, а это и есть его предназначение.

Тот приятель, к слову, в новых реалиях не ужился, был уволен, едва достиг порога выслуги и работает теперь в строительном бизнесе, оберегая его от силовиков как умеет. О «наших людях» говорит нецензурно, хотя в целом воспитан и к обценной лексике склонности не имеет, ждет истинных «наших», но настроен пессимистично.

Правовая система, в которой сервильные опции настроены как основные, а правосудие допустимо лишь до границ, за которыми происходят коллизии с интересами ее бенефициаров, порочна изначально. Однако потенциал жизнеспособности этой системы огромен. Объединение исполнительных, контрольных, надзорных и судебных функций под одним началом, безусловно, обеспечило полную управляемость и уничтожило независимость, абсолютная лояльность законодателя устроителям этого порядка дала им возможность устанавливать и отменять правила произвольно. Как результат – Россия не только манипулирует своими международными обязательствами и собственной Конституцией, непринужденно на законодательном и подзаконных уровнях вводя ограничения на реализацию основных прав и свобод человека, но и сурово наказывает за нарушение этих регуляций, которые сами по себе вполне могли бы стать основой антиутопического сюжета.

Вряд ли авторы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) предполагали, что какая-то из стран будет системно и осознанно нарушать свои обязательства, оставаясь участником Конвенции, но игнорируя многочисленные решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и его рекомендации по реформированию законодательства. Не думаю, что в каком-либо еще государстве высшие руководители всерьез сравнивают затраты на выплаты компенсаций за нарушение прав и на устранение причин этих нарушений. Так, в ситуации с условиями содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений кто-то во власти пришел к выводу, что платить компенсации дешевле, чем создать цивилизованные условия для арестованных. И государство платит, формально исполняя требования Конвенции, но не принимая мер к соблюдению прав своих же граждан. Платит, к слову, за счет налогоплательщика, это – бюджетные расходы. Ответственность должностных лиц в подобных случаях не персонализирована и не установлена.

Исключительно как результат манипуляций с конституционными правами граждан родилась статья 212.1 УК («Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»), диспозиция

которой сама по себе фактический запрет на реализацию конституционного права на мирное собрание. У приговоров по таким делам нет перспектив в ЕСПЧ, но в новые правила системы – «мы нарушаем Конвенцию, но исправно платим компенсации» – подобные несурезицы вписываются органично.

Легализм во всем его цинизме: правовые институты, необходимые как атрибут цивилизованного государства, функционируют и генерируют внешние признаки правосудия. Это касается и государственных институций, от формально независимого судьи до омбудсмана, и правового инструментария. Но этот инструментарий декоративен, его задача – в придании видимости соблюдения правовых гарантий. Ожидать соответствующего содержательного наполнения не стоит, эта задача элитами не востребована.

Сами по себе правовые нормы, пусть и самые прогрессивные, вязнут в правоприменении. Так, институт досудебного соглашения, который введен в российскую правовую систему Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», казался прорывным в своем первоначальном замысле. В пояснительной записке к законопроекту его целью декларировалось способствование борьбе с организованной преступностью «при условии значительного сокращения таким лицам (заключившим досудебные соглашения. – *Прим. авт.*) уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Вылилось это в повсеместное использование «досудебки» как пряника в первые часы, когда задержанного убеждают признаться во всем, часто в том, чего тот не совершал, оговорить кого-то, помимо себя, обещают максимально мягкое наказание. Люди часто соглашались. И таких дел сразу стало много, я знаю следователей, которые начали работать после введения этого закона в действие и вообще не пробовали расследовать уголовных дел в обычном порядке. В суде такие дела рассматриваются максимально быстро, доказательства не изучаются, а приговор в отношении «досудебщика» – негласная гарантия осуждения всех остальных обвиняемых по делу.

Конечно же, это нивелировало роль досудебного соглашения в целом, ведь оно не служит заложенным в закон целям, но направлено исключительно на ускорение и упрощение процесса. Обычной практикой стал равноценный или даже более суровый приговор, чем тот, что был вынесен остальным членам группы, вину не признавшим и боровшимся.

Вирусно распространилось объективное вменение – инкриминирование преступлений без доказывания умысла и мотивов, в особенности по экономическим делам. Уклонение от уплаты налогов и мошенничество в виде преднамеренного неисполнения договорных обязательств – материя тонкая, проще вообще не вникать в субъективное. Никто и не вникает.

Снижен, если не уничтожен, порог требований допустимости к доказательствам, полученным в результате оперативно-розыскной деятельности¹.

Есть просветы: несколько расширено судопроизводство с участием присяжных, что моментно вынесло на поверхность главную проблему – неприемлемое качество расследования уголовных дел. Присяжные не верят тем доказательствам, которые профессиональные судьи переваривают в потоковом режиме. Реакция судебной системы наступила незамедлительно: оправдательные вердикты присяжных вышестоящие суды отменяют практически в каждом втором случае.

Характерный признак времени – фальсификация уголовных дел приобрела признаки интеллектуального подлога, когда документы правильны по форме, но порочны по сути. На практике сложнее встретить случаи прямой фальсификации материалов дела, хотя и таких

¹ В данном случае автор использует профессиональный сленг юристов. Согласно современной орфографической норме следует писать «оперативно-розыскная». – *Здесь и далее прим. ред.*

примеров достаточно, чем в целом незаконное уголовное преследование, основанное на недопустимых доказательствах либо на нормах закона, противоречащего Конституции и международным обязательствам России.

Дело Анастасии Шевченко войдет в будущие учебники по уголовному праву как пример использования подобных методик. Следственный комитет предъявил ей обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 284.1 УК – участие в деятельности нежелательной организации – Общественного сетевого движения «Открытая Россия». Решение о признании этой организации нежелательной приняла Генеральная прокуратура России, указав, что та зарегистрирована в Великобритании. Показательно, что, когда адвокат Анастасии Сергей Бадамшин обжаловал отказ следователя приобщить доказательства отсутствия Open Russia Civic Movement (английский перевод названия Общественного сетевого движения «Открытая Россия») в реестре Регистрационной палаты Великобритании, заместитель начальника управления Генеральной прокуратуры России в Южном федеральном округе Е.А. Орловский ответил, что в ходе предварительного расследования факт участия Шевченко А.Н. В деятельности иностранной неправительственной организации, признанной нежелательной на территории Российской Федерации, подтвержден имеющимися доказательствами, на основании которых последней предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 284.1 УК РФ [1].

Ситуация парадоксальна. Движения, которое признано нежелательным, не существует и не существовало, об этом имеется официальный ответ из страны, резидентом которой является организация по утверждению Генеральной прокуратуры, но уголовное дело идет своим чередом и обрастает новыми эпизодами.

Искусственность уголовных дел и масштабность этого явления в новейшей истории России – неограниченное поле для исследований. Когда такие исследования будут инициированы и когда появятся те самые новые учебники для новых юристов, ответить сложно. Ясно одно: этого не было тогда, когда остался безнаказанным врезавшийся в мирную толпу на боевом коне казак, рассекавший нагайкой лица, не будет и сейчас, когда полицейский прилюдно и под видеокамерами уверенно наносит нокаутирующий апперкот в печень беззащитной задержанной.

Логика процессов, иррациональных на первый взгляд, – вот что можно и нужно изучать сейчас. Изучать, чтобы противостоять, чтобы быть услышанными, чтобы создать критический уровень неприятия методов силовых элит и здесь, в нашей стране, и за рубежом, где эти элиты исподволь обустривают будущее свое и своих детей.

Маркеры текущего состояния правовой системы и ее целевых установок описаны мною в первой части книги, исходя из опыта работы последних лет. Для их систематизирования я подобрал дела трех категорий: о наркотиках, экономические и политически мотивированные. В них отчетливо проглядывают алгоритмы, которые используются силовиками в других делах, менее распространенных и ярких. Понимание методов фабрикации – основа защиты, кто бы ни вел расследование и в чем бы ни состояло обвинение.

Во второй части – диалоги о том, что есть, и о том, как бороться. Это живые, без прикрас и купюр, разговоры с теми, кто на острие: с правозащитниками – Ольгой Романовой, Арсением Левинсоном и Сергеем Охотиным, адвокатами – Алхасом Абгаджавой, Сергеем Бадамшиным, Ириной Бирюковой, Андреем Гривцовым и Ильей Новиковым.

В третьей части содержатся памятки, инструкции и рекомендации – не только мои, и я взял на себя право оценки их эффективности.

Часть I Уголовная фабрика

Глава 1

Бойня № 228. Как стать наркодилером

Перевозчик

6 марта, каждодневное, ничем не примечательное утро студента из обычной московской семьи. Мама – преподавательница английского языка, папа – завскладом в торговом центре. После завтрака папа уехал на работу, мама начала готовиться к занятиям с учениками, а Артем (все имена в этой истории изменены) – к зачету в университете. Все привычно, волновало лишь отсутствие денег, просить у родителей уже неудобно: мужчина, вырос и может зарабатывать сам. И зарабатывал – в кафе, помогал официантам.

Позвонил приятель, попросил помочь с курьерской доставкой небольшой посылки. Чем не работа? Полторы тысячи рублей – небольшие, но деньги. Да и нет для студента небольших денег.

Я спрашивал потом, на что бы он потратил эти полторы тысячи. Артем ответил, что хотел купить маме цветы на 8 Марта. Сомнений у меня не возникло – знал к тому времени, как они близки. Видел.

Артем попрощался с мамой до вечера и ушел. Отвезти посылку – и в университет, таков был план.

– Я не волновалась даже вечером, он мог после университета поехать к Ане, своей девушке, и приехать домой к полуночи, – рассказывает Наталья, мама Артема. – Утром я зашла в его комнату, хотела наругать, а его нет. Было без четверти шесть. Я стала звонить ему, телефон не отвечал. Дозвонилась до Ани, а потом до друзей, кого знала. Его никто не видел накануне. Я поехала на занятия, вела их как во сне, а потом зазвонил телефон. Номер был незнакомый. Следователь сказал, что Артем задержан по подозрению в сбыте наркотиков. Попросил привезти документы. С этого момента у нас началась другая жизнь.

Другая жизнь – это поиск адвокатов, судорожные попытки понять, насколько они эффективны и работоспособны ли вообще, стояние в очередях в следственный изолятор на передачи и свидания, просьбы сохранить для сына место в университете, конечно неслышанные: Артема отчислили сразу, как стало известно об уголовном деле.

Пока Артем завтракал, где-то далеко полицейские задержали юношу с дозой амфетамина. Потребитель. Таких десятки задерживают каждый день. Спросили у него, где купил. Пригрозили сроком. Всем угрожают. Припугнули арестом – тоже обычная история. Парень рассказал. Приказали связаться с тем, у кого купил, и попросить еще. Связался, попросил. Продавец упаковал в небольшую коробку 0,38 г амфетамина. Коробку – чтобы не было подозрений, не пакетик же случайному курьеру передавать.

Сбытчик оказался тем самым приятелем, который попросил Артема помочь.

Полторы тысячи рублей в кармане, коробка в руках, получатель ждал на условленной станции метро, с ним ждали опера. При передаче посылки Артема задержали. Было около половины третьего дня, и с этого момента с ним начали «работать». Вспоминать об этом Артем не любит. Звонить никому не давали, подсунули ручного адвоката по назначению. Но не получилось, Артем не сломался, не признал бредовое обвинение в перевозке и сбыте наркотиков и начал бороться за себя.

Получалось плохо – слушать его никто не хотел. Позже, в следственном изоляторе, Артем привыкнет к этому. Система глуха и слепа к доводам защиты.

Первые дни прошли в непрерывном пекле – допросы, очная ставка с подставным покупателем, угрозы, обещания сгноить в тюрьме, «пробить срок под максималку». Потом был изолятор временного содержания. Досмотр с раздеванием в коридоре, где ходят люди, мужчины и женщины, в форме и без – первые ведут вторых, и никому нет дела до него. Всех уже раздевали и заставляли приседать, нагибаться и раздвигать ягодицы, все знают, что скоро к этому нужно будет привыкнуть или сойти с ума.

«Снова нарик», – это презрительное от дежурного ИВС заставило Артема вздрогнуть, но потом он к этому тоже привык.

Камера с неогороженным унитазом в углу. Алюминиевые ложки и кружки. Такие же тарелки, в которых утром в окошко двери выдали остывшую баланду. Дощатый стол из разошедшихся досок. Окошко – кормушка. Дверь – тормоза. Стол – дубок. Это пришлось запоминать быстро, второй раз тюрьма не повторяет. Ошибаться нельзя.

Душный металлический бокс автозака и мат конвоиров, равнодушные глаза секретаря суда и опущенные глаза судьи с уверенным лицом привычно лгущего и решившего не корить себя за это человека.

Интересоваться делом и попытками Артема объясниться судья не стал, ушел в совещательную комнату, через 20 минут вышел с постановлением о заключении обвиняемого под стражу, зачитал его скороговоркой – и ушел. На два месяца, прочел Артем уже в автозаке. На следующий день в камере следственного изолятора ему стало понятно, что на это внимания обращать не надо.

– Всех на два месяца, – пояснил ему смотрящий по камере, – потом продлят и еще продлят. Бывает, по полтора года эти два месяца идут.

Через эти ритуалы – продление сроков ареста – Артем проходил потом неоднократно. Судьи с теми же выражениями лиц неизменно проговаривали речитативом одно и то же: продлить срок содержания под стражей. Такое проговаривали не только Артему – всем, кто был в камере. За год и четыре месяца, что юноша провел в СИЗО, не было случая, чтобы кому-то судья не продлил арест.

Ритуалы. Легалистические процедуры, суть которых лишь в том, чтобы создать видимость соблюдения норм и правил, форма без содержания. Молитва инквизитора за упокой души сжигаемого, чья участь решена еще в момент принятия решения о задержании.

Камера – хата. Коридор – продол. Кровать – шконарь. Кружка – кругаль.

Эти знания пришли к Артему вместо высшего образования, которое теперь из планов исчезло. Да и неважным стало все это студенческое и зачет тот, который не сдал. Важным оказалось одно, главное, – выжить. Вернуться домой.

После угара первых дней наступила тишина. Следовательно Артем вдруг стал неинтересен.

– А чего ты хотел, – объяснял ему адвокат: – Обвинение тебе предъявлено, экспертизы назначены, сейчас тебя свозят к психиатрам и наркологам, получают заключения, соберут характеризующие и в суд дело направят.

Что направят, сомнений не было. Были надежды на суд.

– Мы очень рассчитывали, что суд дело изучит и разберется, – говорит Наталья. – Ведь никаких доказательств, кроме рапортов полицейских, в деле не было. Никаких данных о том, что Артем знал о наркотике в посылке. Вообще никаких. Есть покупатель, есть сбытчик, и есть случайный курьер, им мог стать кто угодно. Но судья даже слушать нас не стал.

Дело судья изучил, сомнений в этом нет. Артема осудили по пунктам «а» и «б» части 3 статьи 228.1 УК, срок лишения свободы по ней – от 8 до 15 лет. Вину он не признал, в таких случаях судьи всегда назначают срок выше минимума. Но судья, напротив, вынес подчеркнуто мягкий приговор – четыре года лишения свободы в колонии строгого режима. Так

судьи поступают в случаях, когда видят, что дело – явный фальсификат. Выносят мягкие приговоры с расчетом, что их не будут обжаловать, дабы не ухудшить положение.

Но Артем не остановился. Это была смелость с расчетом на чудо, и что-то сродни чуду свершилось.

Сергей Доценко, юрист консалтинговой группы «Статус»: «Ко мне дело попало уже после приговора, вынесенного районным судом. Я изначально не увидел в нем каких-либо юридических сложностей. Защитник отработал последовательно и логично, позицию обосновал. Сложности были иные, нужно было сопротивляться традициям карательного правоприменения по подобным делам. Суд первой инстанции не мог не видеть, что в деле нет доказательств, подтверждающих причастность осужденного к перевозке и сбыту. Следствие основывало обвинение на том, что некий потребитель сам явился в ОВД и рассказал, что приобретает наркотики у некоего человека и хочет изобличить его. Конечно же, это звучало абсурдно. Никаких сомнений в том, что того потребителя задержали с наркотическими средствами, не было. Так же не имелось сомнений, что полицейским нужно было для статистики дело по сбыту, который они и инспирировали: задержанный уговорил своего сбытчика продать ему амфетамин. Наш подзащитный оказался случайной жертвой полицейской статистики. Моя задача была простой и сложной одновременно – написать апелляционную жалобу так, чтобы у суда не осталось сомнений, что снег по своей природе белый и суд ошибся, описав его в приговоре как субстанцию черного цвета. Акцент я сделал на аналогичные дела, ранее рассмотренные ЕСПЧ».

Из апелляционной жалобы: «По делу "Веселов и другие против Российской Федерации" (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10, 02.10.2012) Европейский суд установил, что, несмотря на требования закона и указания Верховного суда, практика судов Российской Федерации, по сути, не изменилась. В частности, из обстоятельств трех жалоб, объединенных в этом деле, следовало, что:

- контрольные закупки в отношении всех трех заявителей проводились по заявлению лиц, "добровольно явившихся" в правоохранительные органы, в отсутствие какой-либо иной предварительной информации от оперативных источников, позволяющей предположить преступную деятельность заявителя;
- в двух из трех дел информаторы указывали в судебном заседании, что никогда ранее не покупали наркотики у заявителей;
- во всех трех случаях контрольная закупка была проведена немедленно по получении заявления от информатора, без малейшей попытки проверить достоверность сведений о возможной причастности заявителя к сбыту наркотиков, хотя никакой срочности в проведении операции не было;
- поведение закупщика, которое привело к передаче наркотика, было, по сути, бесконтрольным, телефонные переговоры закупщика не записывались.

По мнению суда, зависимое положение информаторов и сравнительно низкий доказательственный вес их показаний накладывали на оперативно-розыскной орган два обязательства: во-первых, приложить усилия к проверке их сообщений до проведения контрольной закупки, а во-вторых, спланировать, провести и зафиксировать контрольную закупку таким образом, чтобы обеспечить возможность дальнейшей проверки действий информатора-закупщика на предмет возможной провокации.

Все указанные Европейским судом нарушения, выявленные им при рассмотрении дела "Веселов и другие против Российской Федерации", явно усматриваются и по настоящему уголовному делу в отношении Л.».

Московский городской суд отменил приговор. Дело вернули прокурору. Артема освободили из-под стражи. В СИЗО он пробыл год и четыре месяца. Уголовное дело в его отношении полицейские прекратили не сразу, но пришлось.

Защитой проведена огромная работа для того, чтобы Московский городской суд сделал очевидный вывод: дело сфальсифицировано. Ни следователи, ни прокуроры, ни судья, рассматривавший дело в первой инстанции, не обратили на доводы Артема и его защитников никакого внимания.

Артем снова учится, наверстывает упущенное. Время от времени мы говорим с его мамой. Те год и четыре месяца остались в ней навсегда.

По этому делу человеку удалось помочь. Подобных дел единицы. Большинству помочь не удается.

Случай с Артемом – типичная фальсификация уголовного дела. Уникален он счастливым завершением, если можно назвать удачей почти полтора года в следственном изоляторе. Зачем государству нужно было так поступать с Артемом? Попробуем разобраться.

«Народная» статья

Ужесточение законодательства, связанного с незаконным оборотом наркотиков, в России происходит непрерывно и системно. Борьба с наркотиками – бесконечный простор для популизма. Чем ярче пожары костров с жертвами этой новой инквизиции, тем громче политикам надо требовать огня – процесс этот конечен, со временем количество осужденных и, что важнее, освободившихся осужденных превысит критическую массу. Вышедшие на свободу неизбежно начнут влиять на настроения. В последние десять с небольшим лет на сотни тысяч людей навесили ярлык «наркоман», кинули их в российскую тюрьму, приговорили к гигантским срокам – и вот они выходят из колоний, также лавинообразно, как попадают на эту бойню. Без образования и профессии – не успели получить, без семей, дохода, социальных связей, но с развитыми навыками тюремного выживания.

Погруженным в эту проблему очевидно: выбор перед властью фактически не стоит, изменять подходы к наркополитике надо здесь и сейчас, утверждения, что либерализации антинаркотического законодательства не требуется и можно лишь косметически подправить фасад системы, усилив контроль над силовиками, – лишь самоувещевания.

Опасна имитация благих намерений такой политики. Понятия подменены, ужесточение наказания вводится как мера профилактики приобретения и сбыта наркотиков, что криминологически не что иное, как абсурд. Тяжесть наказания не может сдержать зависимого человека от приобретения наркотиков, а капиталиста, коим является крупный сбытчик, от попыток получить сверхприбыль.

Введено пожизненное лишение свободы за сбыт наркотиков, сроки лишения свободы за продажу разовой дозы наркотического вещества давно превышают сроки за убийства. По некоторой категории дел закон не позволяет судьям назначать наказание меньше 15 лет лишения свободы. Наиболее многочисленная категория осужденных – приговоренные за наркотики. Изменило ли это ситуацию с наркотрафиком в стране? Конечно, нет.

Ситуация парадоксальна. Наблюдаются две параллельные тенденции. Первая – систематическая популистская стигматизация осужденных по наркотическим статьям и ужесточение наказания. Вторая – абсолютно заброшена работа по пресечению крупного трафика. Крупный трафик в страну поступает практически без помех, наркотики – в свободном доступе. К слову, на без малого 100 000 уголовных дел о наркотиках в России в 2018 г. дел об их контрабанде

приходится мизерное количество. В 2018-м, по данным Судебного департамента при Верховном суде, за контрабанду наркотиков осуждено всего 123 человека.

Это автоматически влечет за собой рост числа потребителей: наркозависимых у нас все больше и больше. А работа правоохранительных органов становится абсолютно формальной, статистической. И главное, не ориентированной на реальных, системных акторов наркотрафика, крупных распространителей. Но их поимка и не востребована. Для статистики достаточно мелких закладчиков.

Доступность наркотиков, помноженная на randomness и бессистемность работы правоохранителей, приводит к формированию нового типа сознания людей, находящихся в группе риска: все потребляют, а попадают случайные люди. Психологического барьера – это наркотик, его покупать нельзя – не возникает. Вот Вася, он каждый день в клубе и каждый день торгует. И с ним ничего не случается. Да, иногда кого-то накрывают менты. Сами виноваты.

Обычная сцена: юноша или девушка задержаны с четвертью грамма амфетамина или чего-то иного, схожего и по действию, и по доступности. Допрошены и рассказали, как и у кого приобрели. Показания подписали с адвокатом. На вопрос: «Вы понимаете, что вам грозит?» – отвечают: «Мне следователь сказал, что будет условный срок». Они не читают даже вмененную им статью в кодексе и впадают в шок, узнав, какой срок им грозит. Они не верят, что человек, рассказавший следователю о том, что передал другу амфетамин, становится сбытчиком и его ждет десять и более лет в колонии строгого режима. «Вы понимаете, что совершили преступление более тяжкое, чем разбой с нападением на пенсионерку или бытовое убийство?» – спрашиваю я, и в ответ всегда тишина. Они не верят. Они не знают. Не верят, потому что видят, как легко купить наркотики. А не знают, потому что никто им этого не рассказывал. Тема неприятная.

Просвещение, помощь, лечение – это все не то, в чем заинтересовано государство. Не заинтересовано оно и в предотвращении наркопреступлений.

В текстах приговоров по большинству связанных с наркотиками уголовных дел встречаются словосочетания: «неустановленное время», «в неустановленном месте», «неустановленные лица». Причина проста: нет стимула устанавливать. Незачем. Это обусловлено двумя фундаментальными факторами.

Во-первых, суды при рассмотрении уголовных дел подобными формулировками вполне удовлетворяются. Оправдательные приговоры в связи с неустановлением обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию, крайне редки. В единичных случаях суды возвращают дела прокурору.

Во-вторых, оперативной задачи установления крупного сбытчика не стоит. Казалось бы, вполне логично: заведено дело оперативного учета, нужно проследить не только цепочку «мелкий сбытчик – потребитель», но и выше, к крупным дилерам. Но этого никогда не происходит. Формально уголовные дела в отношении неустановленных сбытчиков выделяются, но следствие по ним через два месяца приостанавливают без проведения каких-либо следственных и оперативно-розыскных мероприятий вообще. Во всех следственных отделах полиции есть специальные следователи по «висякам», обычно это ни на что более не сгодившиеся сотрудники, чья задача – формировать дела для архива. Тысячи дел в год, не только о наркотиках, но и о кражах, грабежах, разбоях, угонах – все, что не раскрыто. В этих бумажных залежах и хоронятся более или менее значимые дилерские сети, трансрегиональные и трансграничные поставки, те самые васи, которые продают каждый день и с которыми ничего не случается. Ничего удивительного здесь нет. Зачем делать что-то сложное, когда работу можно показать, не утруждаясь оперативными комбинациями, а начальство это устроит? И начальство начальства тоже.

Важно и то, что любая форма передачи наркотиков является их сбытом, и неважно, получает ли человек взамен деньги. Верховный суд пресекает возможности какого-либо смягчения участи людей, обвиняющихся в сбыте, но на самом деле сбытчиками не являющихся.

Большинство осужденных – те, кто приобретал и хранил наркотики в крупном и особо крупном размерах. Но что такое «крупные размеры»? Представления о них правоохранителей совершенно неадекватны здравому смыслу. Амфетамин свыше одного грамма – это крупный размер. При этом на рынке меньше одного грамма приобрести невозможно, то есть человек всегда приобретает в крупном размере. Фактически криминализировано употребление наркотиков, поскольку приобретение разовой дозы всегда является тяжким преступлением. Для марихуаны установлены более реалистичные показатели и значительным размером, с которого наступает уголовная ответственность, являются шесть граммов. Но это незначительное исключение не делает погоды.

Крайне существенна проблема ведомственной принадлежности экспертов. Сейчас они все в МВД и все – оперативный уполномоченный, следователь и эксперты – подчиняются одному руководителю. Данная связка ставит под сомнение объективность экспертных исследований, и предпосылок считать эти сомнения необоснованными все меньше.

Уровень потребления наркотиков в стране должен снижаться не с помощью одних уголовно-правовых методов. Это в первую очередь проблема здравоохранения, социальная проблема.

Чтобы карать, нужны тюрьмы. Чтобы помогать преодолеть зависимость и бороться за человека – лечебные и реабилитационные центры. В колониях Россия недостатка не испытывает. Государственных реабилитационных центров же в стране всего четыре. Помощи нет. Есть только наказание.

Марьяна Торочешникова, журналист «Радио Свобода»: «Почти каждый четвертый российский заключенный сидит именно за наркотики. На одном из недавних заседаний Совета по правам человека при президенте России первый заместитель директора ФСИН Анатолий Рудый предложил ввести для наркоманов замещающую терапию, что уменьшит число наркозависимых в местах лишения свободы. Россия исключила для своих граждан, подверженных наркозависимости, возможность получать заместительную терапию. Подобный метод лечения используется более чем в 70 странах мира, в число которых входит и Украина. Поэтому после аннексии Россией Крыма в 2014 г. около 800 наркозависимых остались перед выбором – уехать на материковую Украину или пройти детоксикацию в российских реабилитационных центрах. По данным ООН, после этого от 80 до 100 человек скончались в результате суицида или передозировки, хотя российские власти заявили, что из бывших пациентов заместительной терапии в Крыму скончались семеро, и по другим причинам» [2].

По сведениям адвоката Михаила Голиченко, к настоящему времени заявителей в ЕСПЧ по вопросам отказа государства от заместительной терапии – четверо, и все они считают, что этим отказом затронуты права людей, живущих с хронической зависимостью от опиоидов. Они заявляют о нарушениях трех фундаментальных статей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это нарушение права на защиту от пыток, права на уважение частной жизни и права на свободу от дискриминации. В 2014 г. ЕСПЧ коммуницировал жалобу. Российская Федерация ответила на нее несколькими аргументами. Первый – риски, связанные с заместительной терапией: якобы метадон и бупренорфин будут уходить на черный рынок. Другие риски – наркотизация страны, рост смертности, заболеваемости инфекционными заболеваниями, преступности, коррупции в системе здравоохранения, «разрушение

потенциала страны, формирование терпимости к наркотикам, дестабилизация наркоситуации в России, дискредитация антинаркотической политики» [3].

Зависимость в отсутствие терапии – страшное зло.

Но страшнее другое. Настоящее зло в том, что осудить по наркотическим статьям можно любого.

Обыденное зло

Мы автоматически произносим «подкинули» или «подбросили», когда слышим, что человек задержан и избит полицейскими, а вменяют ему хранение или сбыт наркотиков. Привыкли к такому. В прессе и социальных сетях масса инструкций: как вести себя при задержании и досмотре, как спастись, чтобы не стать очередной жертвой произвола силовиков.

Инструкции могут работать, а могут быть бесполезными – важно не это, а тот факт, что они вообще стали нужны. На руководства такого рода появился социальный запрос, причиной чему стала критичность количества фейковых уголовных дел, очевидных своей искусственностью. Бывает, высокие руководители хмурятся и даже стучат по столу, но ни признание наличия проблемы, ни обещания ее решить, ввести системы контроля и ответственности ситуации не меняют. Бог оперативной работы – статистика, и именно ей в жертву чаще всего приносятся судьбы, а порой и жизни. Есть еще важнейший фактор – корысть. Устранение человека путем лишения его свободы заманчиво своей простотой и доступностью, спрос на это будет всегда, пока есть люди, споры между ними и тюрьма.

В исправительных колониях России сейчас содержится чуть более 550 000 человек. Из них по статьям, связанным с наркотиками, отбывает наказание около 138 000. Это – статистика Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), и она крайне сомнительна. Дело в том, что ФСИН учитывает осужденных в качестве отбывающих наказание за наркотические преступления только в тех случаях, когда эти преступления основные, то есть указаны первыми в приговоре. Если человек осужден, к примеру, за кражу и хранение наркотиков, он в показателях ФСИН указан как отбывающий наказание за кражу.

Но и приведенный показатель крайне велик. Это очень много – почти 25 % общего числа осужденных. Аналогичные данные применительно к лишенным свободы женщинам еще выше – примерно 32 %. И их становится больше, и мужчин, и женщин. Почему же так сложилось?

Проблема многогранна, но первое, на что обращает внимание большинство практиков, – чрезвычайно низкие требования судов к доказательствам по наркотическим статьям Уголовного кодекса.

В 2018 г. судами вынесено 27 оправдательных приговоров на почти 100 000 уголовных дел по «народной» статье [4]. Это – ничтожная толика, не отображающая действительного состояния дел.

Позиция судов порождает свободу фальсификации доказательств силовиками, подбросы наркотиков (что на профессиональном сленге называется «вмонтированием»), безумное количество потребителей, осужденных к лишению свободы за надуманный сбыт ради статистических показателей. Это приводит к общей сакральной убежденности в том, что никто и ничто не поможет в схватке с государством. Фоном развиваются процессы крайнего ужесточения наказаний за преступления, связанные с хранением и оборотом незначительного, едва превышающего разовую дозу, количества наркотиков. Важно и то, что, имея подобные возможности для достижения статистических показателей, правоохранительные органы фактически сняли с повестки борьбу с реальным наркотрафиком. Примечательно, что число уголовных дел о преступлениях, связанных с контрабандой наркотиков, снижается и стало практически ничтож-

ным: на одно дело о контрабанде приходится около тысячи дел об обороте наркотиков внутри страны.

Правоохранителей привлечь к ответу сложно. И не только потому, что они грамотно выстраивают планы и умело уклоняются от изобличения. Отнюдь, порой они действуют топорно и явно. Тем не менее уголовные дела в отношении недобросовестных полицейских, а чуть ранее и сотрудников Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков всегда были товаром штучным. Это обусловлено двумя сквозными факторами.

Во-первых, система, создавшая максимально комфортные условия для фальсификации доказательств, сопротивляется возбуждению уголовных дел в отношении своих представителей. Да, когда возбуждение уголовного дела состоялось, машина быстро добывает репрессивность до обычного уровня, но добиться такого процессуального решения и предъявления фальсификаторам обвинения – сверхзадача.

Во-вторых, сами сотрудники правоохранительных органов, которых привлекают к ответственности, уверены, что поступали незаконно, но правильно. Мы же не кому-то там «вмонтировали», а наркоману (бандиту, убийце). Это пресловутый жегловский кошелек как метод против Кости Сапрыкина, это «вор должен сидеть в тюрьме». Образ, созданный Владимиром Высоцким в фильме по роману Вайнеров «Эра милосердия», слишком убедителен и притягателен, он многое позволяет себе объяснить. Хотя роман о другом – о том, что так нельзя, но моральные конструкты Володи Шарапова слишком хрупки в сравнении с жегловскими. Наказания без вины не бывает.

Задумываться всерьез полицейские начинают лишь тогда, когда оценивают сроки предполагаемого лишения свободы применительно к себе, если задерживают их самих.

Какова мотивация сотрудников полиции? Чаще всего – показатели работы. Система учета статистических показателей в МВД – устаревший бюрократический механизм, имеющих мало общего с фактической криминогенной обстановкой. Вкупе с невысоким профессиональным уровнем полицейских, покровительством прокуратуры и судов потребность «давать цифры» неминуемо приводит к фальсификациям.

Фальсификация уголовных дел о наркотиках – это не только примитивные подбросы. Это подстрекательство и провокация со стороны сотрудников правоохранительных структур, создание видимости наличия доказательств преступной деятельности и безосновательное производство оперативно-розыскных мероприятий.

Суды в России – операторы легалистических производств, которые лишь верифицируют выводы оперативных и следственных органов. Принципиально верно утверждение, что главная проблема правоприменения – отсутствие суда как органа, разрешающего спор.

Излюбленный ответ всякого судьи или прокурора на вопрос: «Почему вы не проверили признаки подстрекательства и провокации со стороны сотрудников полиции или ФСБ, наличие оснований для производства оперативно-розыскных мероприятий и в целом соответствие процедур их проведения закону?» – состоит в том, что суд и прокурор в суде ограничен в изучении секретных материалов дел оперативного учета. Это и есть главный миф, который обеспечивает безнаказанность оперуполномоченного при фальсификации уголовных дел.

Прокуроры, как представители стороны обвинения, не заинтересованы в изучении дел оперативного учета, они ограничиваются ходатайствами о допросах оперуполномоченных. Суд их просьбы охотно удовлетворяет, а потом заслушивает их формальные ответы о том, что основания для производства оперативно-розыскных мероприятий имелись. Однако суды очень не любят ходатайства стороны защиты об изучении самих оперативных дел и выяснении, насколько эффективно был осуществлен контроль за деятельностью правоохранительных структур, не имелось ли признаков фальсификации уголовных дел, в полном ли объеме рассекречены и представлены следователю и в суд материалы в отношении подсудимых. Между тем именно изучение этих материалов необходимо всегда, когда имеются основания говорить

о фальсификации уголовных дел. В некоторых случаях в делах оперативного учета скрываются данные о непричастности человека к совершению преступления. Оперуполномоченный уверен, что никто – ни суд, ни прокурор, ни адвокат – этих материалов не увидит.

Ссылки на секретность смешны. Судьи без усилий и оснований закрывают и засекречивают процессы, когда по каким-либо причинам не хотят присутствия на них журналистов или общественных активистов, требуют, изучают и приобщают к делам любые секретные материалы, если этого просит прокурор.

В постановлении по делу *Mirilashvili v. Russia*, № 6293/04, от 11 декабря 2004 г., рассматривая доводы жалобы о том, что национальный суд отказал в изучении материалов оперативно-розыскной деятельности, и признавая этот отказ недопустимым, ЕСПЧ указывает: «В состязательном процессе должны рассматриваться не только доказательства, имеющие непосредственное отношение к фактам этого дела, а также другие доказательства, которые могут относиться к допустимости, достоверности и полноте последних» (§ 200 постановления *Mirilashvili v. Russia*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.